

Алёна Берндт

Медвежий Яр

Часть 1

Алёна Берндт

Медвежий Яр. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68757309

SelfPub; 2023

Аннотация

Никто в Бобровке не знал, почему прозвали Елизавету Елагину «Медведихой». Может быть, виной тому была высокая стать, которую местные бабы порой называли «гренадёрской» и «медвежьей», а может быть, прозвище Елизавета получила потому, что жила в одноимённой усадьбе... Непростая женская судьба, о стойкости характера и любви!

Содержание

Часть 1.	4
Глава 1.	4
Глава 2.	12
Глава 3.	20
Глава 4.	28
Глава 5.	36
Глава 6.	43
Глава 7.	51
Глава 8.	59
Глава 9.	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Алёна Берндт

Медвежий Яр. Часть 1

Часть 1.

Глава 1.

Никто в Бобровке не знал, почему прозвали Елизавету Елагину «Медведихой». Может быть, виной тому была высокая стать, которую местные бабы порой называли «гренадёрской» и «медвежьей», а может быть прозвище Елизавета получила, потому что жила в одноимённой усадьбе.

Сама Бобровка располагалась под холмом, за которым текла Койва, а на холме, так отличаясь от рубленых бобровских изб, стояла она, белокаменная усадьба «Медвежий Яр». Старожилы поговаривали, что заложена сия усадьба ещё дворянским родом Елагиных, якобы сосланных в Сибирь при царском режиме. Ну, чего не знаем, про то, конечно, и лгать не станем. А люди много чего говорят...

Так вот, и про саму Елизавету, и про мать её Екатерину Александровну то и поговаривали, что кровей они явно не простых, и что усадьба эта чудом уцелела в их владении. А всё потому, что покойный муж Екатерины Александровны,

Владимир Фёдорович, был врачом, а до того и отец его им был, и дед. Так вот сам Владимир Фёдорович сделал какое-то важное государственное открытие, потому и не трогали их. Как жили Елагины в доме на холме, так и остались даже после кончины самого Владимира Фёдоровича, получая от государства пенсию за учёного.

Екатерина Александровна, тоненькая и высокая женщина, красивая даже в возрасте, не прибранной до последнего волоска на улице никогда не появлялась, а осанка её заставляла бобровских женщин самих расправлять плечи и выпрямлять спину.

– Говорят, мать её, или может быть бабка, в институте благородных девиц обучалась, и её приучила, ты смотри, какая она, эта Екатерина! – шептались местные кумушки, и в голосе их слышалось некоторое осуждение, но в то же время они так старались ей подражать, – А вот Лизка в кого такая уродилась, непонятно – то ли баба, то ли мужик, здоровая, прямо и сказать – медведиха... Кому такая понравится, точно замуж не возьмут, так и проходит в девках!

Бобровскую восьмилетку Елизавета окончила досрочно на год и с отличием, а в том была заслуга её матери – Екатерина Александровна сама учила дочь, видимо, как когда-то учили её саму. Никто и подумать не мог, что Елизавета отлично говорит на французском, довольно сносно знает и немецкий. А не знали потому, что уж очень нелюдимый был у Лизы характер, не приветливый. Да и сама Екатерина

Александровна общительностью не отличалась, и в Бобровке ни с кем не приятельствовала.

Не водила Лиза ни с кем дружбы, сторонилась и девчат, всё молчком да молчком, так и уехала Елизавета в город после восьмилетки, к какой-то там своей дальней тётке, там окончила художественное училище, потому что как оказалось, имела она еще и талант к рисованию. Вернувшись в родные места, работать она пошла не абы куда, а в мастерскую при местном храме, который считали таким же «чудом сохранившимся пережитком прошлого», как, наверное, и семью Елагиных.

Снова зажила «Медведиха» в родном доме с матерью и какими-то их дальними родственниками, мужичком в годах и его женой Варварой, про которых поговаривали, что не родня они вовсе, а самые настоящие слуги, а мужик тот наподобие приказчика в доме, как раньше говорили. Хотя, скорее всего это тоже были просто досужие разговоры – какой приказчик может быть в этакое время, когда вся страна строит светлое будущее.

Так вот этот самый «приказчик- не приказчик», величали которого Архип Фомич, каждое утро запрягал гнедую лошадь, чтобы отвезти Елизавету «на службу», как он сам говорил, а вечером исправно привозил домой. Это дело конечно тоже диковинным казалось местным жителям, но уже давно все привыкли к странностям обитателей усадьбы, и внимания на это обращали мало, занимаясь больше своими дела-

ми.

Бобровка была большим селом, да ещё с присёлками и хуторами. Колхоз, пилорама, лесосплав с большими складами, небольшое кожевенное производство и еще несколько предприятий давали людям занятие и доход, так что и помимо обсуждений и слухов было чем заняться местным жителям. Да и библиотека была, и клуб был – просто загляденье, новый, с кинозалом!

Так и стояла усадьба на холме, окружённая ухоженным садом, мечтой местных мальчишек, потому что яблоки там были... уууу, ни у кого в Бобровке такие не росли – словно чуть прозрачные, что все семечки насквозь видно, с красноватым бочком. Однако Архип Фомич на ночь выпускал во двор троицу своих подопечных – поджарых, неизвестной породы и помеси псов, которые острыми зубами своими порвали уже не одни штаны...

Еженедельно появлялась в местном магазине полненькая Варвара, в неизменной своей коричневой юбке и повязанным поверх неё ситцевом цветастом переднике и платке. Пристально всматривалась она в то, что было выложено на магазинных прилавках, что-то считала, складывая и вычитая на пальцах. А потом строго говорила продавцам, сколько веса ей необходимо того или иного продукта, чем иной раз отвергала в негодование не очень трудолюбивую Зинаиду, заставляя несколько раз перевешивать то масло, то сахар.

– Ишь, тоже! – ворчала Зинаида, когда довольная покуп-

ками Варвара удалялась, – Буржуйские замашки! Вот кто эта Варвара у Елагиных, служанка? Смотри, сейчас на рынок пойдёт! И в кооперативный еще заглянет, откуда только деньги! Я сама видала, она там давеча кофе заказывала, зерновой! А, каково? Нет, Наташ, ты видала такое, чтоб в наше то время... Куда только власти смотрят!

– А что такого? – пожимала плечами напарница Зинаиды, молоденькая Наталья, – У них за отца пенсия знаешь какая? Ого-го! Я сама видала, как Екатерину Александровну дед Архип на поезд отвозил, её куда-то приглашали за покойного мужа очередную награду получать! Говорят, что она даже в Москву как-то ездила, вручали там что-то ей!

– Ой, тоже мне, интеллигенция! А чего тогда тут торчат? Вот и ехали бы в Москву! – ехидничала Зинаида, – Может Медведеху свою там бы за кого пристроили, бобыля какого б подыскали!

– Ну, дом тут у них посмотри какой! Моя бабушка говорила, что Владимира Фёдоровича отец тут жил, местных лечил, и дед его тоже, говорят заведовал в городе больницей какой-то, я не помню уже. Династия у них докторская! Чего бы и не жить там, где сами хотят! А Елизавета у них хорошая, добрая! Зря ты про неё так! И коса у неё посмотри какая шикарная!

– Да чего в ней хорошего то?! Как глянет, страшно делается! А в сумерках такую встретить, умрёшь со страху! – зло буркнула Зинаида, которая стеснялась своих жиденских во-

лос, и от слов коллеги еще сильнее нахмурилась.

– Мама моя недавно ходила к бабушке в Кузнецово, та приболела, так Елизавету как раз дед Архип вёз, маму пригласили даже, доехала, всё не пешком. А ты – страшно! Не таких людей бояться следует!

– Да ну тебя, блаженная ты какая-то! Вот и водись тогда с Медведихой, раз она так тебе нравится! – надулась обиженная Зинаида и достав из-под прилавка зеркальце и помаду, стала красить губы.

Наталья же покачала головой и принялась протирать витрину, думая о злых словах напарницы. Ведь как несправедлива бывает порой судьба... Вот Лиза Елагина, ненамного она старше самой Натальи, и может быть человек золотого характера, и никогда никому ничего плохого не сделала, а вот поди ж ты, чем-то заслужила такие о себе разговоры...

Что ж, вот такую судьбу и прочили бобровские кумушки Елизавете, как вдруг однажды летом, когда в самой поре был покос, громом среди ясного неба разразилась в Бобровке новость, что Елизавета «Медведиха» выходит замуж!

– Да говорю тебе, Клавка Ромашова мне сказала, а она в сельсовете работает, – говорила в магазине той же Зинаиде её подруга и соседка Верка Быкова, – Так вот, Клавка сказала, Медведиха с женихом приходила, заявление на регистрацию написали! Вот так вот!

– Да ты что! А кто? Кто жених-то? Неужто кто из местных до её роста допрыгнул, – Зинаида хихикнула, – Уж не Сомов

ли Николай? Он у нас тут только ходит, каланча! Правда, еще и худой, как щепка!

– Нет, не местный! – продолжала шептать Верка, – Сплавщиков бригадир! Недавно приехал, вот прошлой осенью, а может раньше, разное болтают. Здоровенный, ей под стать! Говорят, сам он откуда-то с Кубани, так ведь собой-то хорош! Чего уж выбрал-то себе в жёны, мог бы и покрасивше кого найти, сам то кудреват, брови чёрные, улыбочивый! Михаилом зовут, мне брат сказал!

– Да ты что! Бригадир! – ахнула Зинаида и густо покраснела, потому как сама уже давно старательно строила Михаилу глаза, когда заходил он в местный магазин, – Не может быть! Может врёт всё твоя Клавка!

– Ничего не врёт, ничего не врёт! – возмущенно зашипела Верка, – Я сама их видала недавно, они в город поехали вместе, на станции стояли, а я как раз к тётке своей ездила! Я еще думала, что обозналась, а вот и нет!

Зинаида утёрла ладошкой вспотевшее лицо. Как же так, ведь она так старалась, когда почти вся бригада с лесосплава являлась в магазин, она-то точно знала, кому как не бригадирю положить и сыр посвежее, и папиросы подороже... Да как же смогла обойти её эта Медведиха, что вообще он в ней нашёл!

Верка замолчала, потому что к прилавку подошла бабушка Анисья Захарова, и подслеповато прищурилась на ценники:

– Зиночка, а скажи, почём у вас кусковой сахар? Я к чаю себе беру, люблю очень.

– Я тут что, справочное бюро?! – рявкнула в ответ Зинаида, злость на Медведиху никак не отпускала её, а тут еще эта старуха, – Вон всё написано, для кого, спрашивается?

– Дак я очки позабыла, дочка, – виновато ответила не вовремя подроспевшая покупательница, – Мне ведь уж почитай восемьдесят два, глаза не видят!

– А не видят, так пусть дети за сахаром тебе ходят, – ответила Зинаида, потом не сдержалась, зло выдернула с дальней витрины ценник на сахар и стукнула им по кассовому столу перед Анисьей Петровной, – Вот, так видно?!

– Спасибо! – ответила Анисья Петровна, но покупать ничего не стала, повернулась и вышла из магазина, опираясь на свою палочку.

– Нет, ну ты видала? – зло воскликнула Зинаида, указав подруге на Анисью, – Пытала-пытала, а брать ничего не стала! Что, поболтать просто приходила?!

До самого вечера не отпускало Зинаиду плохое настроение, и до закрытия магазина всё валилось из рук. Зависть к этой Медведихе просто душила её, никак не могла она поверить в рассказанную Веркой новость, и решила, что всё это не иначе как сплетни, и быть такого просто не может!

Глава 2.

Михаил Голобец, старший в бригаде сплавщиков, и вправду был хорош собой, улыбчив и добр, чем быстро снискал в Бобровке добрую славу. Жил он не в большом бараке, где располагалась обычно бригада, а квартировал в доме вдовы Горшениной, женщины средних годов, очень шустрой и предприимчивой.

Большой дом Людмилы Горшениной стоял почти у самой околицы, рядом с берёзовой рощей, в которой родился и бежал до реки студёный родник. Так вот Михаил занимал небольшой флигель, выстроенный позади дома и выходящий окнами как раз на рощу.

Сам он был родом из маленькой кубанской станицы, рано остался без матери и в общем-то детство своё помнил нерастовным. Отец женился повторно, у мачехи, красивой и видной женщины, было двое своих детей, и пасынок ей был не только безразличен, но даже и мешал. А когда пошли совместные дети, то она и вовсе перестала скрывать, что пора бы Мишке подумать о том, куда он уедет, окончив школу, потому что в доме отца ему места нет.

Отец, работавший механизатором, мало обращал внимания на домашние неурядицы, при том, что в его присутствии новая жена была одинаково ласкова со всеми домашними. Михаил не жаловался отцу, выполняя все указания мачехи,

работал по хозяйству и присматривал за младшими, но, к сожалению, никто не поинтересовался, что же у мальчика на душе... Первым делом это отразилось на учёбе, Миша съехал на тройки и это послужило визитом учительницы в дом к семье Голобец.

После беседы с родителями, учительница ушла домой с чувством исполненного долга, а Мишка был выпорот отцовским ремнём. Однако, визит учительницы возымел и некоторый положительный эффект – отец высказал жене, что воспитанием их старшего сына она занимается плохо, раз у него с учёбой трудности, и с того дня мачеха стала строже контролировать Мишу, задавая ему меньше работы по дому. Учёба пошла «в гору».

Так и добрался Михаил до окончания школы, ни шатко, ни валко, но аттестат получился без троек. Чему очень удивились в районном военкомате, куда он явился за месяц до своего восемнадцатилетия.

– А почему в техникум не идёшь? Или в институт, ведь есть хорошие шансы, – внимательно глянул на Михаила офицер, изучив его бумаги, – Ну, раз говоришь – в армию, так в армию. После службы решишь, кем хочешь стать, так?

Отслужив, весенним днём Михаил вернулся в дом, где стало еще теснее – братья и сёстры подросли, еще двое малышей весело агукали в деревянной кровати. Но всё равно, это был дом, родной дом... Миша лежал на опустевшем за зиму сеновале, закинув руки за голову, и пытался вспомнить,

как же выглядел их двор и дом, когда жива была мама... и не мог вспомнить. Только смутные образы темноволосой женщины, её улыбка и тёплые, пахнувшие горячим хлебом ладони, обнимающие маленького Мишку, согревали сердце.

За завтраком, который недовольная лишним ртом мачеха накрыла на дощатом столе во дворе, отец сказал:

– Ну что, Мишка, надо тебе думать, куда-то учиться идти, профессия ведь нужна. От совхоза отправляют учиться на тракториста, или на комбайнёра. А можно и в райцентр, в техникум автомобильный. Сам-то ты чего хочешь? Ты не торопись, подумай, пока отдохни, только ведь приехал.

Однако дома оставаться и отдыхать, как сказал отец, Миша не смог – уж очень красноречив был взгляд мачехи, уж очень громко и яростно гремела она у печи пустыми горшками и кастрюлями...

– Бабка Афанасьева сказала, – вернувшись из сельсовета, сказала как-то мачеха, – Что вот их Генка, вернувшись с армии, дома штаны не просиживает, а едет куда-то там работать, на Урал. Лес сплавать! Говорят, деньги хорошие платят. Ты бы тоже мог, хоть что-о заработал бы, может дом бы строить начал. Куда жену приведёшь? К нам на сеновал?

Знала, что сказать, на что надавить... Горек стал кусок и думы не шли из Мишкиной головы. Потому что пока он в армии служил, соседка Валюшка неожиданно подросла... И теперь её шикарная рыжая коса и веснушки на носу не давали Мишке спокойно заснуть. Тем более, что девчонка,

завидев Мишу, густо краснела и улыбалась. Вроде бы ему улыбалась...

— Валь, пойдём в кино в пятницу? — набравшись смелости, Миша подошёл к сидевшей на скамейке у своего двора Валушке, — Говорят, хороший фильм в клуб привезли...

— Тоже, жених выискался, — расхохоталась в ответ девушка, вздёрнув носик, — И что, потом и замуж позовёшь? В вашем доме табором жить? Да я каждый день заснуть не могу, пока вся ваша орава не утомонится!

А в пятницу вечером Миша, возвращаясь от бабки, матери своей мачехи, которой относил привезённое отцом лекарство, встретил Валушку. Она шла в клуб в сопровождении Олега Проценко, сына председателя сельсовета.

Насмешливо глянув на Мишу, девушка отвернулась и рассмехалась на шутку своего спутника, весёлого симпатичного парня, студента второго курса престижного городского ВУЗа.

Миша свернул в переулок, чтобы поскорее дойти до дома Афанасьевых и расспросить Генку, куда он там собрался ехать. Генка был одноклассник Михаила, учились они в параллельных классах, но особенно дружбы не вели. Однако теперь Генка встретил Мишу, словно старого друга, только узнав, зачем тот явился.

Так и поехал Миша на сплав впервые. Отец покряхтел, поворчал, но отпустил сына, собрав ему в дорогу и продуктов, и денег, сколько было, прищипнув на жену, которая бы-

ло пыталась ворчать, что последнее отдаёт.

А заработок был очень даже неплох. Приехав обратно после первого сезона, Миша все деньги отдал отцу, только немного себе оставил, чтобы купить гостинцев младшим в семье и себе вещи, которые будут необходимы при поездке на следующий сезон. На этот раз мачеха не так ворчала, и даже похвалила пасынка, молодец, мол, что о семье думает...

Отработав подсобником в совхозе до следующего сезона, Михаил снова собрался и вместе с Генкой Афанасьевым отправился в путь.

– Я вот еще съезжу пару раз, и всё, – мечтательно закинув руки за голову, вещал Генка с верхней полки плацкарта, – Отец сказал, хватит мотаться, буду на заочное поступать. Да и это... Галинка моя тоже сказала, что не станет больше ждать, пока я там по стране мотаюсь.

Так и случилось, только всё произошло раньше – отработав сезон, на третий Генка не поехал, семья непустила. А вот Мишка решил, что мотаться туда-сюда нет смысла, и стал оставаться в Бобровке и в межсезонье, благо работы там тоже хватало.

Отправляя регулярно деньги семье, Михаил изредка получал из дома весточки – в основном писали братья или сёстры, изредка отец, но письма становились всё короче и короче с каждым разом... Но Миша всё равно каждый раз отвечал подробно и пространно, описывал местность и людей, где жил, сообщал, что теперь его назначили бригадиром и

конечно отправлял деньги.

А потом, зимним морозным утром пришла короткая телеграмма. Мачеха сообщала, что отец скончался. Никаких подробностей, ничего, просто пара слов... И Миша понял, что отныне его там некому ждать... С трудом, при помощи директора пилорамы, где он работал, Михаил раздобыл билет на самолет, чтобы успеть на погребение, в последний раз проститься...

Сидя на лавке в родном доме, Миша понимал, что теперь покинет его навсегда, потому что нет ему здесь места.

– Вот, держи. Это матери твоей, венчальная, – мачеха протянула Мише потемневшую от времени икону, – Отец твой берёг, думал, что на твоей свадьбе её достанет. А вон как вышло... Забери, пусть у тебя будет.

Миша взял в руки оклад чернёного серебра, и погладил образ. Он не помнил ничего из того, что осталось от матери, как-то всё само собой исчезло, стёрлось из их дома еще когда он был маленьким. А вот теперь он прикасался к тому, что когда-то его мама держала в руках...

– Спасибо, – только и смог он тогда ответить женщине, прожившей с ним столько лет, но так и не ставшей ему хоть сколько-то родной.

Вернувшись в Бобровку, Михаил продолжал работать и отправлять деньги семье, только вот писем он уже не получал. А вскоре его денежный перевод и вовсе вернулся обратно... Вызвав на переговорный коммутатор Генку, Миша

узнал, что мачеха продала всё — дом, скотину, какая была, и уехала к каким-то своим родственникам. Так оборвалась последняя ниточка, тянувшаяся от Миши к местам, где он родился.

Собравшись кое-как с духом, принял Михаил всё случившееся и стал жить дальше. Откладывал деньги, думал, может обзаведётся когда-то своим углом.

Как-то раз сидел он у себя во флигеле, усталая спина ныла от напряжения после смены, неожиданно тоска затопила душу, и он достал завернутую в чистый рушник мамину икону. В дверь стукнули и на пороге показалась хозяйка дома, Людмила Тимофеевна, с тарелкой и крынкой молока в руках.

— Не спишь еще? На-ко вот, угостись. По мужу моему, Ивану Прокофьевичу, годовая нынче. Уж почитай двенадцатый год нет его, ох...

Во флигеле запахло пирогами, Миша посмотрел в грустное лицо хозяйки.

— А это что у тебя? — Людмила Тимофеевна увидела икону на вышитом рушнике, — Как потемнела, помутнела... Образ-то почти не видать. Это твоя что ль?

— Да, моя. От мамы мне осталась, их с отцом венчальная.

— А что же ты, хоть отдай её вон в мастерскую при церкви, там у нас ведь иконописцы есть. Посоветуют, может что поправить можно, да и оклад в порядок приведут. Я вот отдавала, старая икона была, а вернули, так будто засияла.

Идея Мише понравилась, и в следующий же свой выход-

ной он отправился туда, куда направила его хозяйка дома, прихватив с собой и мамину икону в рушнике.

Глава 3.

Благоговение и тишина встретили Мишу в небольшом старинном храме на самой окраине Бобровки, протянувшейся далеко вдоль реки. Храм стоял на невысоком холме, под которым с одной стороны простиралась Бобровка, а с другой шумел бескрайний зелёный лес, простирающийся до самого горизонта.

Что же видели на своём веку эти стены из белого камня, подумал Миша, встав скромно возле стены. Служба в храме закончилась, свечи догорали на кандилах перед иконами, людей в храме почти не осталось. Только невысокая старушка в светлом платочке сидела в углу, и шурясь читала небольшую книжицу.

– Добрый день, матушка, – почтительно обратился к ней Миша, – Простите, что вас побеспокоил...

– Здравствуй, сынок. Ничего, говори, чем тебе подсобить?

– Мне нужна иконописная мастерская, где найти?

– Пойдём, провожу тебя, это позади храма в хозяйстве, – женщина поднялась со стула и повела Михаила на двор, где располагались небольшие постройки.

Миша читал надписи на небольших строениях – «Крестильня», «Пекарня» и еще другие, которые ему были мало понятны. Давно, когда была жива его бабушка, мать его мамы, он смутно помнил, как воскресным утром она его, со-

всем малыша, водила на причастие. Теперь же знакомые запахи и образы будто вернули его в далёкое-далёкое детство.

Вспомнились Михаилу родные места, тягучие и медленные кубанские реки, по которым поутру разливался такой густой туман, что твоё молоко. Вспомнил старую мельницу возле высокой запруды, где они с другом Данилкой любили удить рыбу. Где теперь Данилка... После окончания школы он уехал учиться в институт, а после его мать говорила, что направился он куда-то на всесоюзную стройку. Так и затерялся друга след на просторах огромной страны. Сжалось сердце и как-то тоскливо стало в груди, посмотрел Михаил на высокое небо над куполами и силился вспомнить мамино лицо.

– Ну вот мы и пришли, – сказала женщина, открывая перед собой дверь невысокого строения с миленькими окошечками, и открытыми резными деревянными ставнями.

Пригнув в дверях свой недюжинный рост, Михаил вошёл внутрь. Помещение было небольшое и практически всё было заставлено столами и шкафчиками, на которых стояло множество баночек с красками, коробки и банки с кистями разной толщины и формы украшали подоконник.

В мастерской Михаила встретил невысокий пожилой мужчина, чью переносицу украшали очки в металлической круглой оправе, поверх которых он смотрел на вошедших. Руки его были испачканы какой-то то ли краской, то ли сероватый сажей, Михаил так и не понял. Мужчина тщательно

вытирал их ветошью и улыбался гостям:

– Здравствуйте, чем обязан? В гости к нам редко заходят. Разрешите представиться, зовут меня Николай Никифорович, собственно, я и заведую всем вот этим хозяйством.

– Здравствуйте, Николай Никифорович, а я вот вам гостя привела, – сказала женщина в светлом платочке, – Ну вы тут поговорите, а я пойду.

– Здравствуйте, меня зовут Михаил, – молодой человек огляделся вокруг и протянул Николаю Никифоровичу крепкую мозолистую ладонь, – Мне сказали, что здесь мне могут помочь. Вот, я бы хотел сделать так, чтобы эта вещь вернула прежний вид. Наверное, её хранили неправильно, и потому...

– О! Однако! – Николай Никифорович наклонился над образом, который Михаил бережно положил перед ним на стол.

– Понимаете, это мамина вещь... всё, что осталось мне от родителей...

– Оклад серебряный...м-да, а вот сам образ... липа или кипарис, надо внимательнее смотреть. Так-с, так-с, наверняка льняное масло... Елизавета!

Николай Никифорович снял очки, весело глянул на Михаила и снова склонился над заинтересовавшим его предметом. На его зов из соседнего помещения показалась высокая девушка в фартуке, на котором виднелись пятнышки краски. В руке она держала тонкую кисть и недовольно хмурила

брови явно сердясь на то, что её отвлекли от работы.

– Гляньте-ка, голубушка, какую красоту нам принёс наш гость. Кстати, познакомьтесь, это наш специалист, Елизавета Владимировна Елагина. А этот молодой человек – Михаил.

Елизавета кивнула в знак приветствия и совершенно не обращая внимания на гостя, не сводила глаз с принесённого Мишей образа. Николай Никифорович и Елизавета заговорили между собой, словно на каком-то непонятном для Миши языке, хотя он старался вникнуть в смысл слов. Но больше его завораживал тембр голоса Елизаветы... будто он уже слышал его где-то, когда-то очень давно. Глубокий голос её звучал, мягко обволакивая его и отвлекая от сути разговора.

– Ну что, если хозяин согласен, то мы можем попробовать, – сказал наконец Николай Никифорович и посмотрел на очнувшегося Михаила, – Только это не быстро будет. Нужно заказывать материалы, возможно даже в столицу. У знакомых поискать, вот я как раз поеду черед две недели в Свердловск, месяц там пробуду, может быть, что-то найду. Как, согласны, Михаил?

– Я? Конечно, согласен! – спохватился Миша, – Только бы вернуть вид прежний... Я сам же всё равно ничего в этом не понимаю.

Обговорив детали, Михаил вышел из мастерской и остановился возле маленькой скамеечки. Уходить не хотелось, так хорошо и тепло ему не было уже давно... словно домой попал.

Через неделю Михаил вернулся к двери мастерской, подгадав время, чтобы рабочий день уже заканчивался. Елизавета вышла из мастерской, складывая в небольшую сумочку голубую косынку. Увидев перед собой Михаила, девушка покраснела и хотела было поскорее уйти.

– Здравствуйте, Елизавета Владимировна, – Миша шагнул вперед, пытаясь скрыть свой страх, – Простите, что я так вот... не званный-нежданный. Можно с вами поговорить?

– Здравствуйте, – ответила Лиза, – Ну... вам лучше с Николаем Никифоровичем разговаривать по поводу вашей иконы. Я мало что могу вам рассказать, а он очень опытный специалист.

– Да я, собственно... не только про икону. А можно, я вас немного провожу? Вы далеко живёте?

Так и повелось. Миша почти ежедневно приходил встречать Елизавету, хотя Архип Фомич неизменно приезжал за нею, ласково понукая гнедую кобылу с милым именем Ромашка. Сначала он хмурился, завидев маячившего возле ворот в ожидании Елизаветы Михаила, строго расспрашивал, чего ему тут понадобилось.

– Ты сам-то откуда? Чего это я раньше тебя в Бобровке не видал! – строго прищурившись, спрашивал Архип Фомич Михаила, – Смотри у меня, вожжами отхожу, коли нашу Лизаньку обидишь!

Михаил уважительно и обстоятельно, понимая беспокойство Архипа Фомича, рассказал о себе, кто он откуда, как

оказался в Бобровке и почему остался. Рассказал и о знакомстве с Елизаветой, уверив, что ничего дурного у него и в мыслях нет.

С того дня частенько Миша объявлялся у мастерской к окончанию рабочего дня, и они с Лизой шли, разговаривая о том, о сём позади подводы, на которой изредка поглядывая на них, причмокивал на Ромашку Архип Фомич.

В дом Елагиных впервые Миша попал зимой. До этого, как бы он ни старался – приглашал Лизу и в кино, и в клуб на концерт по поводу Годовщины Октябрьской революции – на всё он получал категорический отказ. Он понял, что не особенно Лиза любит появляться на людях, чему очень удивлялся. Девушка была таким интересным собеседником... Миша рядом с нею ощущал себя полнейшим неучем, в чём ей и признался однажды.

– Ну ничего, я могу тебя подготовить, и мама моя поможет, – утешила его Лиза, – Поступишь учиться, ведь главное – желание! Кстати, мама просила пригласить тебя на ужин на Рождество. Придёшь?

– Я... приду конечно, – растерялся Миша, – Только я, наверное, не понравлюсь твоей маме... Не умею я вот это... ну, там за столом с приборами, и всё такое.

– Что ты, мама вовсе не такая, – рассмеялась Лиза, – И ты ей обязательно понравишься. Не слушай, что тут люди болтают, в этом и крупницы правды нет.

– Я и не слушаю. Про меня тоже много чего болтают, чего

нет, – усмехнулся Михаил, а только всё внутри него похолодело.

Хозяйка дома, где Миша квартировал, сразу увидела, что квартиранта её что-то гложет, а так как любопытства у неё было хоть отбавляй, хоть и не склонна она была к сплетням, а всё же узнать что-нибудь интересное она любила. Потому и махнула ему рукой, приглашая зайти в дом, где на столе дымилась стопка горячих блинков.

– Миш, давай-ка, садись, поужинаем вместе, – пригласила Людмила Тимофеевна, – Напекла вот, одной мне много, ты покушай. Слушай, у меня скоро племянник приедет, хочет тоже на сплаве поработать, поможешь на сезон его пристроить?

– Спасибо, Людмила Тимофеевна, за приглашение, я с удовольствием. А насчёт племянша вашего, конечно я поговорю, возьмем его к себе в бригаду.

– Что, правду говорят, что ты с Лизой Елагиной дружишь? – доверительным тоном спросила Людмила Тимофеевна, – Мне Зинка наболтала, которая в магазине работает.

– Ну, да... А Зине-то до этого какое дело, – Миша недовольно нахмурился, потому что эта самая Зина уж очень была навязчивой, хоть в магазин не ходи.

– Да она по тебе сохнет, ты что, сам не замечал? – рассмехалась Людмила, – Хотя вы, мужики, порой дальше своего носа и не видите. А она ведь на хутор Малинники собралась идти из-за тебя, там знахарка живёт, бабка Акси́нья, так

Зинка тебя приворожить хочет.

– Меня? Приворожить? – Миша засмеялся, – Не верю я в эти все бабкины сказки! Да и не получится у неё ничего, я... меня уже, можно сказать, другая приворожила! На ужин зовут, а я так опозориться боюсь!

– Не веришь? Ты это зря, – грустно сказала Людмила Тимофеевна, – Я давно на свете живу, всякого повидала... Ну да ладно, главное – ты сам в себе уверен. А про ужин, это к Елагиным тебя позвали? За это ты не бойся, Екатерина, мать твоей зазнобы, женщина очень хорошая, добрая. В неудобное положение тебя уж точно не поставит, вот увидишь. И дочка у неё хорошая... только не любят их здесь многие, в Бобровке нашей... Потому что другие они, особняком живут.

Миша с удовольствием ел угощение, а сам думал, что на всё готов ради Лизы. Потому что теперь и жизни не мыслил без неё.

Глава 4.

Ужин в семье Лизы прошёл для Миши неожиданно... по-домашнему уютно. Несмотря на то, что в начале его немного смутила белоснежная скатерть и приборы на столе, но после того, как Архип Фомич весело подмигнул гостю и радостно потёр руки, заведя на столе запотевший графинчик с наливочкой, Миша подумал, что не будет он тут не к месту. Хотя он не любил спиртное и не употреблял его, но этот весёлый взгляд деда Архипа придал ему смелости и уверенности в том, что здесь живут обычные люди, как и он сам.

Так и оказалось Екатерина Александровна, Лизина мать, больше рассказывала, иногда только спрашивая у гостя, как же ему работается на лесосплаве, не тяжело ли, и как его родные смотрят на то, что он уехал так далеко. Миша рассказал о себе всё, как на духу, не забывая лакомится приготовленным Варварой жаркое, какого он в своей жизни и не едал ни разу.

– Так ты без матери рос..., – Екатерина Александровна прижала к щеке платочек, – Тяжко, наверное, с мачехой-то, не сладко пришлось...

– Ничего, мачеха у меня не шибко суровая была, – ответил Михаил, но по глазам Лизиной матери увидел, как та жалеет его, вероятно представляя еще мальчишкой...

После того дня стал Миша чаще заходить в гости к

Елагиным, чем вызвал в Бобровке немало пересудов о себе. Иные так прямо и говорили, что позарился он дескать уж явно не на красоту Медведихи, а на достаток профессорской семьи, на добротную усадьбу да хозяйство.

– Что, Михаил Фёдорович, к профессорше в зятя метите? – ядовито спросила его Зинаида, когда Михаил наведалься в Бобровский магазин за покупками, – И даже невеста не пугает?

– А ты, Зинаида, как я гляжу, до сих пор ни с кем не женихалась? – опередив Михаила, спросила случайно оказавшаяся в очереди Людмила Тимофеевна, – Никто на такую красоту не зарится и в очередь не встаёт? А вот умела бы ты язык свой прикусить вовремя, может быть, и нашёлся бы кто. И не зыркай на меня так!

Зинаида побоялась грубо отвечать Людмиле Тимофеевне, потому что та издавна водила тесную дружбу с заведующей магазином, Тамарой Матвеевной, поэтому грубость по отношению к женщине могла обернуться для продавца лишением премии, в лучшем случае.

А Михаилу такие разговоры очень досаждали. Неприятно было слышать такое, хоть и было это неправдой, но всё же.

– Не хочу я примаком к ним в дом идти, – говорил он своей хозяйке, когда та завела про это разговор, что людские пересуды слушать не стоит, – Пойду на пилораму к Яковлеву, буду просить, пусть похлопочет, чтобы землю выделили, у меня есть немного денег, хотя бы начну строиться.

– Это конечно, пойдй. Только дорого нынче строиться. Ну, может тебе лесу выделяют сколь-то, да и у Лизаветы семья поможет, так и отстроитесь с Божьей помощью.

Но землю выделить оказалось не так и просто, потому что Михаил не один такой оказался, кто желает получить участок под строительство. А тянуть с женитьбой он сам не хотел, потому и поехал в город за колечком для Лизы, и уже с кольцом явился в усадьбу Елагиных, просить руки Елизаветы, дрожа от страха и телом, и душой.

Сумбурно и сбивчиво говорил Михаил, стоя перед сидевшей у круглого стола Екатериной Александровной. Пытался рассказать о том, что к лету обещали ему участок, и он уже написал заявление в сельсовете на лес, тут же перескакивал на то, что полюбил Елизавету, как только увидел...

Сама Лиза сидела тихонько в углу и улыбалась, глядя как волнуется её жених. Из-за двери любопытно выглядывала Варвара, прикусив кончик своего цветастого платочка, а возле покрытой изразцами печи на невысоком табурете сидел Архип Фомич, покряхтывая в усы.

– Миша, вы успокойтесь, – ласково сказала Екатерина Александровна, когда взмокший от волнения Михаил окончил свой монолог, – Вы можете пока пожить у нас, в усадьбе. Места здесь хватит на всех, дом большой, и левое крыло давно уже пустует. А если вы волнуетесь, что по селу пойдут какие-то кривотолки, так это дело обычное. Мы уже к этому давно привыкли и не обращаем внимания. Для меня самое

главное – это счастье моей Лизаньки, поэтому за ней и остаётся слово – даст ли она вам своё согласие. А я буду рада вас благословить, если моя дочь выберет вас себе в мужа.

Миша повернулся к Елизавете, сил на вопросы и увещевания у него не осталось совершенно, и он просто протянул ей на ладони тоненькое колечко, купленное им в городе.

– Ты согласна? – только и смог он проговорить охрипшим от волнения голосом.

– Согласна, – просто сказала Лиза, и у двери радостно охнула Варвара, дед Архип довольно крикнул, а Екатерина Александровна смахнула слёзы.

Когда страсти и волнения улеглись, а на дубовом круглом столе появилась скатерть и сервиз, и румяная от переживания Варвара накрывала стол к чаю, Екатерина Александровна сказала:

– По правде сказать, дорогой Миша, я бы очень не хотела, чтобы усадьба пустовала. Мой муж, а до этого его отец очень любили это место, и мне очень хочется, чтобы мои внуки жили здесь. Так ли вам принципиально строить свой собственный дом? Да и так ли это необходимо? Семья у нас дружная, а вас мы уже успели полюбить, вам не будет здесь плохо. Да и усадьба требует хозяйской заботы... Считайте, что это Елизаветино приданое и оставайтесь здесь. Лизанька, а ты сама что же скажешь?

Когда лад в семье, то такие вопросы решаются быстро, поэтому и было решено, что после свадьбы молодые останутся

жить в усадьбе. Архип Фомич, казалось, этому был рад больше всех – с превеликим удовольствием водил он Михаила по дому и двору, показывая, что да как, а попутно сообщая, где и что в усадьбе они теперь сделают вместе!

Миша и сам будто загорелся, старинный дом манил его и некоторой своей таинственностью, и руки чесались от слов деда Архипа, что и вот тут, и здесь подправят, хозяин дому нужен, а как же!

Свадьбу даже и скромной нельзя было назвать – молодые расписались в сельсовете, и, как поговаривали бобровские бабули, обвенчались в местной церкви, но никаких торжеств не было. Гудела Бобровка после известия о том, что Медведиха замуж вышла. Не только Зинаида, зло поблёскивая черными своими глазами, нащёптывала товаркам, что Мишка-бригадир оказался таким прохиндеем! Втёрся в доверие к профессорше да и охмурил их дочку, которая того и гляди оказалась бы перестарком, потому что в Бобровке не было ей женихов.

– Ты смотри, какой оказался! Ишь! – говорила старуха Семенихина, – Тихим сапом, а притёрся. Хотя, Варвара про него говорит, что руки у него золотые, не нахвалится! Может и наоборот всё было – как батрака его себе заимели! А что, рукастый парень, да справный! Лизка-то у них всё молчком, набычится и ходит, а смотри-ка ты какого парня охмурить умудрилась! Наши-то девки, которые и с лица получше, и пофигуристей, а ни на одну не поглядел!

Кто на что горазд, то и выдумывал, а пока слухи да пересуды бродили по Бобровке, пока некоторые, такие как Зинаида, крыли почём зря то хитроватую Лизку и её семью, охмулившую бригадира, то наоборот говорили, что это сам Мишка оказался весьма падким на зажиточное хозяйство и усадьбу, сами Миша и Лиза про эти разговоры и не слышали.

Они просто были счастливы, и вообще появление Михаила в усадьбе будто заново вдохнуло в неё жизнь. Теперь во дворе часто звучала пила, под покрикивания и смех Михаила, переговаривающегося с Архипом Фомичом, то дружно стучали молотки где-то к глубине двора, а в кухне у большой печи колдовали Елизавета и Варвара.

А потом, когда уже давно улеглись и пересуды, и разговоры, когда все привыкли, что Михаил со своей Лизы глаз не сводит, в Бобровку пришла весна...

Зазеленели луга, черёмуха во дворе Людмилы Тимофеевны оделась в белый наряд, словно невеста, и проходивший мимо Михаил чуть задерживался у забора, глядя, как хозяйствует теперь во флигеле другой квартирант его бывшей хозяйки.

На душе у него было так радостно, хотелось обнять весь мир, потому что совсем недавно он узнал, что его Лизанька в положении. И скоро затопают маленькие ножки по заботливо выметенным дедом Архипом дорожкам в саду усадьбы, а Варвара достанет из большого сундука отрез батиста, чтобы шить распашонки и чепчики...

Сам он намеревался в это лето брать больше смен, и возможно напроситься у Яковлева доехать до кошельного сплава по большой воде. Там и деньги платили другие, намного больше, да и сезон не только в паводок.

Вячеслав Яковлев, обстоятельный и серьёзный мужик лет сорока с небольшим, руководит в Бобровке и сплавом, и пилорамой, и еще занимал какую-то должность в местном лесничестве. Дружбы он ни с кем не водил, к работникам был строг, но относился справедливо и с пониманием, поэтому, когда к нему пришёл Михаил Голобец, выслушал его внимательно.

– Ты, Миша, подумай хорошенько, это почти на всё лето работа, далеко от дома, – покачал он головой в ответ на просьбу Михаила, – Жена у тебя в положении, забота ей нужна. Давай-ка лучше вот на пилораму, там Захарьин на пенсию уже давно просится, а я ему замену никак не подберу, вот ты и попробуй. И рядом с домом, и зарплата хорошая. Конечно, не как на сплавах. Но ведь там сезон, а здесь ты постоянно дома будешь.

– Спасибо за доверие, Вячеслав Петрович, – Михаил кивнул, – Но я бы вот еще сезон отработал на сплаве, всё же заработок. А Захарьин, как я слышал, как раз к зиме уходит собирается. Вот я вернусь как раз, и если ты не передумаешь, то сразу и на пилораму выйду, даже отдыхать не буду.

На том и ударили по рукам, оба оставшись довольными таким уговором. Кто бы знал тогда, как сложится жизнь, на-

верное, и тот, и другой из договорившихся изменили бы свои решения.

Глава 5.

– Миш, может быть, и вправду не поедешь? – грустно говорила мужу Лиза, собирая его в дорогу, – Пока поработал бы на пилораме, пообвык. У Захарына бы опыта набрался. Ведь денег нам хватает, не нуждаемся, зачем эта поездка... да и тяжело это, сплав, поберёг бы ты себя.

– Что ты, Лизок, загрустить решила? – усмехнулся Михаил и обнял жену, – И соскучиться не успеешь, как я уже и вернусь! Деньги нам сейчас не лишние, дом подновим, мебель какую прикупим. А потом уже и можно жить спокойно, буду на пилораме работать. Тебе можно будет уйти с мастерской, всё же это не полезно, красками дышать и всякой химией. Потом я думаю в лесотехнический поступить, образование ведь нужно, а то вот подрастёт у нас сынок, что скажет? Мама образованная, а папаня – неуч? Непорядок!

– Почему же сынок? – сквозь грусть от предстоящей разлуки говорила Лиза, – Может у нас дочка будет!

– Хорошо, если дочка! Ты её научишь, будет наши портреты рисовать! Ну, утри слёзы, хватит и самой расстраиваться и маленькому настроению портить!

Собравшись, Михаил отправился к конторе лесничества, где ждали его ребята из его бригады, кто тоже на кошельный сплав собрался, на устье Койвы, к Чусовой. Был и новенький – тот самый племянник бывшей квартирной хозяйки Михаил-

ла Людмилы Тимофеевны. Серьёзный паренёк, только после армии, чем-то напомнил Михаилу его самого. Звали новенького Игорем, а бригада уже успела прозвать его Игорьком.

Проводила Лиза мужа, скрепив слёзы, потому что Варвара сказала – плохая примета по уехавшему горевать, и стала готовиться к рождению малыша. Теперь чаще она появлялась в Бобровке, заглядывая в магазин то по одной, то по другой надобности, чем неимоверно раздражала завистливую Зинаиду, когда попадала в её смену.

– Ходит тут, пузом своим трясёт! – злобно бурчала Зина, провожая взглядом удаляющуюся Елизавету, – И так была здоровая, как кобыла, а сейчас еще пузатая, так вообще будет как бегемот!

– Зина! Прекрати! – возмущенно выговаривала коллеге Наталья, – Что она тебе сделала плохого, что ты так её ненавидишь! Ты с ней и не разговаривала толком никогда, что такое, откуда такая злость! Ой... похоже это Елизавета забыла...

Наталья увидела, что на витрине отдела промтоваров лежит свёрток, как раз только что Елизавета покупала там нитки сороковку, видимо что-то намеревалась шить.

– Дай сюда, я уберу, – зло сверкнув глазами, радостно сказала Зина, – Пусть Медведиха поищет!

– Нет! Что ты придумала! Сейчас я догоню её, отдам. Недалеко еще ушла! А у меня как раз перерыв начинается.

– Ха! Ушла! Скажешь тоже, станет она ноги свои бить, её

поди дед ихний привёз, а то еще растрясёт Медведиха дитёнка своего! Тоже, семейка!

Наталья подхватила забытый свёрток и поспешила догонять Елизавету, которая и вправду ушла совсем недалеко и стояла в тени высокого тополя, вспоминая, куда еще хотела заглянуть, пока пришла в Бобровку.

– Лиза! Пстой! – крикнула Наталья, – Ты забыла покупку свою!

– И вправду, позабыла, – спохватилась Елизавета, – Спасибо вам, Наталья, большое. Вот бы мне от Варвары выговор был, мы с ней пелёнки шить собрались, а нитки заканчиваются.

– Не стоит благодарности, – смутилась Наталья, – А что же ты меня на «вы»? Неловко мне, давай уж по-простому, без церемоний. Послушай, я еще тебя всё хотела спросить, сестра у меня младшая рисует хорошо, и нравится ей это. Куда бы её свозить, чтобы посмотрели рисунки, направили, посоветуй.

Елизавета посмотрела в открытое Натальино лицо, ожидая увидеть плохо скрытую насмешку, или какой-то подвох, но та смотрела на неё по-доброму, без той искорки, которая часто встречалась в глазах бобровских жителей, считавших странными всех обитателей Медвежьего Яра.

Они простояли в тени высокого тополя почти весь Натальин перерыв, смеялись, что-то обсуждая, и обе были довольны общением.

– Наташа, ты приходи ко мне как-нибудь на выходных, – пригласила Елизавета, – Приноси рисунки вашей Иришки, я посмотрю, любопытно. Можете вместе с ней к нам прийти на чай. И я напишу тебе адрес и телефон человека, он преподаёт в художественном училище, и может помочь, если увидит, что девочка талантлива.

– Лиза, спасибо, я с удовольствием, – Наташа даже чуть покраснела, получив приглашение, – Ой, у меня же перерыв заканчивается! Ну, я побежала, Лизочка, пока! А то у меня напарница, иной раз хуже собаки злющая!

– Пока! Жду тебя, приходи!

Лиза шла по улице и улыбалась. Приятно было поговорить, вроде бы даже подумалось ей, что они с Наташей могли бы стать подругами, которых у Елизаветы никогда не было. Она радовалась, что догадалась пригласить Наташу на чай, и надеялась, что та придёт.

Наталя же тоже вернулась в магазин в хорошем настроении, разговор с Лизой, которую все, да что говорить – и она сама в том числе, считали нелюдистой и необщительной, оказалась очень даже приятной собеседницей, и добрым человеком.

Надевая скинутый впопыхах синий форменный халат, Наталя прямо-таки наткнулась на злобный взгляд Зинаиды, пронзивший её чуть не насквозь.

– Что, в подружки Лизкины набиваешься? Хихикали там стояли полчаса, две подруженьки! С каких это пор вы с ней

стали такие приятельницы?

– Зина, прекрати! – поморщившись, ответила Наталья, – Я не знаю, что тебе Лиза сделала, да и знать не хочу, от чего ты на неё так взъелась! А с кем я говорю и дружу, тебя вообще не касается. Знаешь что? Мне кажется, ты ей просто-напросто завидуешь!

– Ой, я не могу! – рассмеялась Зина злобным смехом, от которого двое покупателей в соседнем отделе испуганно вздрогнули и посмотрели на них с Натальей, – Да чему завидовать?? Тем, что на ней пахать можно, до того здорова? В плуг запрягай вместо кобылы, да и пашню паши!

– Ты завидуешь, – тихо повторила Наталья, чтобы не привлекать внимания посетителей, – Тому, что она за Михаила замуж вышла! За то, что он на тебя даже не посмотрел, а с неё глаз не сводит и любит её.

– Это мы еще посмотрим! – глаза Зинаиды зло сверкнули, – Скоро он на неё и смотреть не захочет, вот увидишь! Я тебе это точно говорю! Останется Лизка со своим отпрыском одна, бросит он её, даже не сомневайся!

– С чего бы вдруг, – пожала плечами Наталья и стала прибираться на кассовом столе, – Или... ты что? Что ты сделала? Ну? Говори!

– Что надо, то и сделала, – дернула плечами Зинаида, – Не твоё дело! А скажешь что-то про меня новой своей подружке Медведихе, я и на твоего Юрку сделаю, поняла? Тошнить его от тебя будет, на километр не подойдёт. Вот и Мишка

разлюбит свою Медведиху, вот сама увидишь! Вспомнишь потом мои слова!

Наталья похолодела сердцем. Вообще-то она не верила в такие вещи, как разные заговоры да наговоры, но всё же.... У них с Юрой всё было так хорошо, они ладили и собирались осенью играть свадьбу, а что, если... Ну вот кто знает, про эту самую бабку Аксинью, к которой явно и ходила Зинка, разные всякие слухи ходят! И не только в Бобровке. Говорят, что к ней даже из самого Свердловска приезжают люди разные, со своей надобностью...

– Всё это бабкины сказки! – собравшись с духом, заявила Наталья напарнице, – Придумываешь всякое, делать тебе нечего! Я в это всё не верю, и тебе советую подобные глупости выбросить из головы и ерундой не заниматься! А Лизе я, конечно, ничего не скажу, но только не потому, что боюсь этой твоей ерунды, а потому, что не хочу её расстраивать. И всё у них с Мишей будет хорошо, ребёночек родится, будут жить, как все люди! А тебе... добрее надо быть!

Наталья схватила с кассового стола тряпку, и начала протирать стеллажи, ей было неприятно и от взгляда Зины, такого недоброго и самоуверенного, и от этого разговора!

«Надо попроситься в другую смену, – думала Наталья, яростно орудуя тряпкой, – Не могу я с этой... столько злости, просто кошмар какой-то! Вот вчера отчитала Мелехину Таю, а за что? Та уж из магазина выскочила! Зачем вообще её здесь держат, столько жалоб на её поведение, только поку-

пателей распугивает! В понедельник пойду с Тамарой Матвеевной переговорю, пусть меня убирает от неё!»

Если до этого разговора между напарницами и так не было особенной дружбы, то после него и вовсе отношения стали еще хуже. Наталья старалась заняться чем-то даже тогда, когда в магазине не было покупателей, чтобы не общаться с Зиной, а та в свободную минуту по своему обыкновению садилась возле окна и наблюдала – кто куда пошёл по улице, кто с кем, и всё это сопровождала нелестными характеристиками прохожих.

А потом вдруг снова подошла к Наталье, которая стояла на шаткой стремянке, протирая верхние полки стеллажей, стукнула ногой по нижней ступени и прошипела:

– Смотри у меня! Станешь болтать, я тебе покажу! Поняла меня?

– Отстань, ненормальная, – испуганно ответила Наташа, крепко уцепившись за полки, – Совсем с ума сошла! А ну, отойди, а не то и я за себя не ручаюсь! Спускаюсь, и повыдергаю твоё редколесье, будешь всё лето шапку носить! Ну?!

Зина вздрогнула и отошла, явно не ожидая такого ответа Натальи, а упоминание её больного места – волос, казалось, даже смутило её.

Разлад между напарницами разрешился в понедельник, по приезде заведующей магазином Тамары Матвеевны из командировки. По обоюдной просьбе бывших напарниц поставили в разные смены, чему обе были рады.

Глава 6.

После того, как Наталья приняла приглашение Елизаветы и пришла на чай в Медвежий Яр, они и вправду подружились. Наташа была просто поражена размерами имеющейся у Елагиных библиотеки, а рассказ Екатерины Александровны, сопровождающий показ редких экземпляров книг, которые хранились с особым почтением, и вовсе привёл гостью в полнейший восторг.

– Я очень люблю читать, – призналась она Лизе, когда все усаживались пить чай в веранде, – В нашей библиотеке почти всё прочитала уже, жаль у нас фонд редко пополняется. А может быть, это просто я быстро читаю.

– Я тоже люблю читать, – кивала Лиза, – У нас сохранились еще прадедушкины книги, иногда я аккуратнo их беру. Есть даже некоторые экземпляры с подписями авторов, и первые издания. Книги – это моя вторая страсть, после рисования.

Теперь у Лизы, так неожиданно, появилась настоящая подруга. Они с Наташей часто теперь виделись, то Елизавета забегала в гости к новой и единственной своей подруге, то Наташа приходила к Лизе, чтобы обменяться книгами и новостями.

– А ты сама как думаешь, мальчик у вас будет или девочка? – Наталья сидела напротив Лизы и смотрела, как искус-

но та вышивает на маленькой батистовой рубашечке кораблик, – Моя мама говорит, что как самой думается – это самое правильное.

– Варвара говорит, что мальчик будет, по каким-то там приметам, – улыбалась в ответ Лиза, – А я сама даже не думаю про это. Лишь бы ребеночек здоровым родился, а мальчик или девочка, это уже не важно. И еще за Мишу переживаю... иной раз такое снится... Варвара сказала, что это просто сейчас я в положении, нервничаю и потому сны плохие снятся.

– Я думаю, тетя Варя права, – кивала Наташа, – Говорят, что женщина беременная чувствительнее становится. А ты зря себя не накручивай, всё же малышу это не полезно. Миша у тебя опытный, сколько уже на сплаве работает! Вот вернётся, и осенью вы к нам с Юрой на свадьбу придёте!

– Ты что?! Ничего себе, какая новость! Вы назначили дату? Как хорошо, я так рада за вас!

– Да, назначили, – смущённо улыбнулась Наташа, – Дату выбрали в начале октября, у меня как раз отпуск, и Юра возьмет отгулы. Так что, подружка, готовь наряд! Я с тобой еще хотела посоветоваться, хочу сделать красивые приглашения. Гостей будет много, у нас здесь мало родни, а вот у Юры – половина деревни, но я хочу бабушке его отправить красивое приглашение, она в Свердловске живёт. Ты ведь умеешь красивым почерком писать, может быть напишешь хотя бы несколько, самым близким? А остальным уж я сама,

своим кривеньким!

– Я напишу, что ты! Сколько нужно, столько и напишу, там же не много текста, давай в воскресенье начнём писать, так постепенно всем гостям и напишем. Зачем их делить, все близкие, пусть у всех будут одинаковые.

Лиза была рада помочь подруге и уже в воскресенье Наташа прибежала в усадьбу с пачкой купленных в городском книжном магазине открыток, на которых и планировалось писать приглашения.

– Вот, это тебе, – Наташа протянула Лизе красиво связанные пинетки, голубые и розовые, – Это мама моя связала для твоего малыша!

– Красота какая! – восхитилась Лиза и украдкой глянула на Варвару, которая ревниво разглядывала подарок, потому что считала себя ответственной за подготовку приданого для малыша и тоже вязала и шила для него разные вещички.

– Девочки, вы кушать будете? – спросила Варвара, поджав губы, – Екатерина Александровна уехала в город, велела её к обеду не ждать, вернётся поздно.

– Тётя Варя, спасибо большое, я дома пообедала, – ответила Наташа и подружки снова вернулись к своим разговорам.

Так и окрепла дружба за очень короткое время, Лиза привыкла, что теперь у неё есть подруга, с которой можно обсудить многое, а Наташа делилась своими мыслями по поводу грядущей свадьбы.

– Мне нравится твоя Наташа, она добрая и умная девушка, – сказала дочери Екатерина Александровна, – И я очень рада, что у тебя появился друг. Это очень хорошо, что вы ладите.

Лиза и сама была этому рада, вот только в магазин Бобровский она теперь старалась заходить, только когда была Наташина смена, потому что не так давно стычка с Зинаидой буквально вывела её из себя. Вообще Елизавета никогда не обращала внимания ни на какие-либо выпады в свою сторону, и даже в детстве просто проходила мимо, если дети начинали поддразнивать её.

Но однажды вечером она возвращалась домой и по пути решила заглянуть за какой-то надобностью в магазин, и первым же делом наткнулась на колючий взгляд Зинаиды. Лиза поморщилась. Сегодня она и так чувствовала себя не очень хорошо, её немного мутило, а тут еще эта странная девушка, непонятно на что обидевшаяся на неё.

С удивлением глядя, с какой злостью Зинаида швырнула перед нею покупки, Лиза не выдержала:

– Скажите, что я вам такого сделала? За что вы на меня так взъелись, ведь я даже не знакома с вами.

– Иди отсюда, – буркнула в ответ Зинаида, – Купила что надо, вот и иди, не задерживай очередь! Заняла тут полмагазина своими...габаритами!

– Дайте мне книгу жалоб! – вдруг чётко и спокойно произнесла Лиза, и стоявшая за нею одинокая покупательница,

которую Зина и назвала «очередью», притихла.

– А батон тебе маслом не намазать? – рассмеялась в ответ Зина, но было заметно, как она побледнела.

– Я сказала – дайте мне книгу жалоб. Немедленно!

– «Немедленно»! – передразнила её Зина, – Смотрите-ка, молчала столько лет, а тут голос прорезался! Думаешь, замуж вышла за бригадира, так теперь все тебе кланяться будут? Тоже мне, барыня!

Лиза молча развернулась и направилась напрямик в глубь магазина, где после небольшого коридорчика располагался кабинет заведующей.

– Ты... ты куда? – Зина явно перепугалась, – Да подожди ты, я же пошутила! Да на, вот тебе книга жалоб, пиши!

Но Лиза уже не слушала, что кричала ей вслед Зинаида, она негромко стукнула в дверь, на который была прикреплена табличка «Заведующий». Пробыла Лиза в кабинете совсем недолго, не более четверти часа, а когда вышла, то сразу же направилась к выходу.

Выйдя на улицу и глотнув свежего воздуха, она остановилась. Нехорошо ей было не только физически, душа просто требовала – расплакаться, разрыдаться тут же в голос, выплакаться как следует. Подумав, что еще немного и она заплачется прямо посреди улицы, Лиза поспешила домой.

Поднимаясь по грунтовой дороге на холм, где за деревьями виднелась крыша её родного дома, она остановилась передохнуть. Обернувшись, она посмотрела на простиравшу-

юся под холмом Бобровку, на небольшое озерцо в обрамлении зелёного кустарника, блестящее в лучах предзакатного солнца, словно небольшое зеркальце. Подумалось, вот её родина... здесь она родилась, и детство её здесь прошло, и вот совсем скоро и у неё самой появится ребёнок, чьё детство пройдет здесь. Её отец работал на полставки в местной больнице, делая порой такие операции, какие и в городе-то не в каждой больнице практикуют, а до того и дед её помогал местным, он был сведущ не только в хирургии, но еще и в психиатрии. И что теперь? Местные, предки которых, а некоторые и сами обязаны её предкам здоровьем, а то и жизнью, относятся к её семье и к ней самой, как к изгоям...

Как здесь жить, как рожать и растить детей, к которым так и будут относиться, как к ней самой. Может быть, и прав был Миша, когда говорил, что можно уехать в город, или на его родину, если только Лиза захочет.

Но только как же мама? Как Варвара с дедом Архипом? Как оставить их тут, Лиза закрыла глаза, думая про это. Ведь все обитатели усадьбы так оживились, радуясь новому витку – ожиданию маленького вместе с Лизой и Мишей... А как все приняли Мишу? Как родного, он сам про это постоянно говорит, что такого доброго отношения он не видел даже в детстве, в родительском доме. Да и ей самой было бы жаль оставлять усадьбу, ей бы хотелось, чтобы её дети увидели, как цветет по весне яблоневый сад, как благоухает под окном куст сирени, любовно подрезанный дедом Архипом под чут-

ким руководством Варвары. Она очень любит сирень, Екатерина Александровна всегда приводит из столицы ей в подарок маленький флакончик «Белой сирени» И как осенью можно увидеть с холма по-над рекою, как птицы клиньями улетают в тёплые края, а вслед им метёт золотой листопад, предвещая скорую зиму.

Душа, пребывавшая в огорчении после этой нелепой стычки с Зинаидой, отогрелась от этих воспоминаний. Лиза заулыбалась – ведь несмотря ни на что, она счастлива здесь. Счастлива с родными и с Мишей, и вот пройдёт совсем немного времени, и у них будет ребёнок, а потом может быть еще один, и жизнь в усадьбе «Медвежий Яр» непременно будет счастливой!

Лиза повернулась и зашагала к дому. Варвара уже её, наверное, совсем потеряла – Лиза должна была вернуться почти час назад, как обещала. На сегодня у них с тётушкой было еще запланировано много дел, а еще вечером должна была прийти Иришка – младшая сестра Наташи. С недавних пор Лиза занималась с девочкой рисованием, не то, чтобы учила, скорее просто старалась раскрыть девочку, её талант, её стремления и видения в рисовании. Лиза с самого детства звала Варвару тётушкой, и не только потому, что она была женой Архипа Фомича, который приходился двоюродным братом Екатерины Александровны... Бог не дал им своих детей, как говорила Варвара, и Лизу она полюбила, словно родную, а девочка отвечала ей взаимностью.

Стукнув дверью, Лиза заглянула в кухню, где обычно хозяйничала Варвара, но там было пусто. Заслышав голоса в глубине дома, Лиза направилась в гостиную. На стуле у овального дубового стола, бледная и прямая как спица, сидела Екатерина Александровна. У печи на стуле сидела Варвара, вытирая платочком бегущие по щекам потоки слёз, рядом с нею, положив ей на плечо руку, стоял Архип Фомич, понутив голову.

С другой стороны стола, напротив хозяйки, сидел белый как мел Вячеслав Яковлев.

– Что случилось? – изменившимся, не своим голосом спросила Лиза.

– Елизавета... вы присядьте, – тихо ответил Вячеслав, и когда Лиза села на стул рядом с ним, не глядя на неё произнёс, – Михаил утонул. Простите... что с таким известием к вам пришёл... Новенького он спасал... тот не справился, сил не хватило, вот в воду и упал, затянуло его. Миша за ним прыгнул, Игоря то спас, помог ему, а вот сам... брёвнами затёрло...

Дальше Лиза уже ничего не слышала. Она молча подошла к окну и смотрела, как колышутся зелёные ветви, как шелестит на лёгком ветру листва садовых деревьев. Вот и всё... закончилось Елизаветино счастье.

Глава 7.

Если бы Лиза не понимала, не осознавала и не ощущала, что она уже не одна в этом мире, то она, наверное, умерла бы от горя. Всё, что она могла сейчас делать – это сидеть в веранде в старом плетёном кресле и чуть покачиваясь смотреть в даль. Хотя она там ничего и не видела, всё в мире в один миг стало серым. Она плохо помнила и погребение мужа, и слова, что собравшиеся говорили о нём, и что говорили ей самой, пытаясь поддержать, утешить. Всё это прошло для неё, словно во сне.

Она стояла тогда, поддерживая под руку маму и обнимая плачущую Варвару, смотрела на свежий холмик земли. Не верилось, что Миши больше нет, что не увидит она его улыбку, не услышит громкий раскатистый смех, когда он где-то во дворе смеётся над шутками Архипа Фомича. Вообще не верилось, что всё это происходит сейчас наяву. Закрыв глаза, Лиза думала, что вот сейчас она их откроет, и всё это окажется сном, и очутится она дома, в их с Мишей комнате.

Но нужно было жить. Их неродившийся ребёнок, это всё, что останется на земле от Миши, что будет всегда напоминать ей о том, как они были счастливы. Будет смотреть на этот мир Мишиными глазами, жить не только за себя, но и за Мишу... Потому, прилагая невероятное усилие над собой, Лиза поднималась с кресла и шла в комнаты притихшей и

будто опустевшей усадьбы. Разговаривала с мамой, помогала Варваре, повязавшей голову черным платком, готовить обед и прибираться в кухне. Смотрела, как молчаливый теперь Архип Фомич достаёт из чулана детскую кроватку, в которой когда-то спала сама Лиза, а вот теперь они с Варварой собирались шить в неё новый матрасик.

– Лизочка, как же это всё..., – говорила подруге Наташа, которая приходила теперь почти ежедневно, – Но ты крепись, моя хорошая! Нужно думать о своём здоровье, и здоровье малыша.

Подруги теперь стали еще ближе, и часто ходили гулять по тропинке, вниз холма, потом вдоль берега реки, до самого леса, в вершинах которого гулял шумливый ветер.

– А знаешь, Зину вчера уволили, – Наталья пыталась разговорами и деревенскими новостями немного отвлечь подругу, – Сначала было собрание у нас. Коллектив у нас хоть и небольшой, но дружный, все высказались по этому поводу. Много претензий ей высказали, с кем бы она ни работала в смену – у всех недовольство. Тамара Матвеевна всех выслушала и предложила Зине написать заявление по собственному желанию. Ох, что тут началось! Зинка орала на всех, что это мы все виноваты. Не давали ей жизни, завидовали во всём и потому теперь ругаем. А чему завидовать? Из неё злость рекой льётся, а теперь мы все виноваты.

– И что, написала заявление? – вообще Лизе было конечно это безразлично, но она ценила старания подруги, потому

пыталась хотя бы немного проявлять интерес к тому, о чём говорила Наташа.

– Написала, а куда ей деваться, – ответила Наташа, – Она же сама понимает, что если не напишет, то Тамара Матвеевна всё равно её уволит, только еще выговоров всяких и взысканий у неё будет столько, что потом никуда не примут на работу.

– Жалко её, только жизнь начинается, а уже столько злости... Можно и захлебнуться.

– Лиз... а ты не думаешь... ну, что это всё из-за неё? Что это она виновата, в том... что произошло! Она же ходила на хутор к той бабке. Может и вправду там что-то сделала... Вот же гадина!

– Я в это всё не верю, – покачала головой Лиза, – Моя семья уже несколько поколений лечит людей, так что... просто не верю, и всё. Если бы всё было в жизни так просто – пошепчет какая-то бабуля на неведомую травку, и изменится у человека судьба. Но это невозможно, ты же сама понимаешь, да? Просто... стечение обстоятельств, приведшее к трагедии. Вот и всё. Миша был бы не он сам, если бы не поступил так, как он поступил. Он бы никогда не смог бросить человека, потому и спас ценой собственной жизни.

Наташа молча посмотрела на подругу. Лиза была спокойна и уравновешена, и Наташа подумала, какой же сильной является её подруга. Сама она, как ей казалось, не смогла бы пережить потерю своего любимого человека. Сердце за-

щемило, когда Наташа вспомнила Юру... Вот, осенью у них будет свадьба, на которую не сможет прийти её лучшая подруга, потому что такое горе в её семье, не до торжеств и веселья. И как непредсказуема жизнь, как быстротечна! Вот только недавно они сидели в саду и пили чай, строили планы на будущее, мечтали... А теперь, всё это в прошлом. Жизнь совершила такой поворот, а сколько их ещё будет, этих поворотов? Неожиданных и неведомых, и только одному Богу известно, что же ожидает их за очередным из поворотов.

– Что ты загрустила? – спросила Лиза подругу, глядя на тёмную речную воду, когда они шли по берегу, – Расскажи, что у вас, как подготовка к свадьбе идёт?

– Да... свадьба..., – отозвалась Наташа, – Заказали вечер в столовой, Юрина мама переживает, что все гости не поместятся, говорит, что нужно летом свадьбу играть, тогда можно все столы на улице устроить. И платье... Ткань я купила в городе, там же в ателье и пошив заказала. Теперь, конечно, придётся ездить на примерки, но я не хочу нашей портнихе местной заказывать – она всё как-то на один манер шьёт. Лиза, а ты может быть придёшь на регистрацию в сельсовет? Я понимаю, что на вечер не пойдешь...

– Да, конечно, приду, – просто и по-доброму отозвалась Лиза, – Ты моя единственная подруга, как же я могу не поздравить тебя! Кстати, когда вернёмся в усадьбу, я тебе кое-что покажу, думаю, тебе понравится. Бабушкино жемчужное кольцо, я думаю, тебе очень было бы к лицу, если ты его на

свадьбу наденешь. Я бы и сама хотела, но... оно на стройную, тоненькую шейку, не на мою. У нас в семье все женщины изящные были, это я одна медведихой вымахала.

Лиза как-то тоскливо усмехнулась, и Наташина душа заплакала вместе с подругой. Сколько сил нужно, чтобы пережить такое горе...

А Лиза жила... Жила, дышала и каждый день ощущала, как растёт внутри неё маленькая жизнь. Между тем в Бобровку и окрестности пришла осень. Холодный косой дождь и серые, так низко висящие над «Медвежьим Яром» облака так подходили к настроению Елизаветы. Теперь она редко ходила в Бобровку. За покупками, как и прежде отправлялась Варвара, всё чаще в сопровождении Архипа Фомича, потому что и ей стало тяжело вставать с сумкой обратно в усадьбу.

После случившейся трагедии, Екатерина Александровна очень волновалась за здоровье дочери и малыша и потому, собрав все свои силы и самообладание, отправилась в райцентр, к другу и коллеге своего покойного мужа. Объяснив, какое потрясение пришлось пережить её дочери, она рассказала о своём беспокойстве за будущее дочери и её ребенка, и договорилась, что в его поликлинике Лиза и будет наблюдаться.

И теперь раз в месяц Архип Фомич отвозил Лизу на станцию, потом она ехала в райцентр, а вечером возвращалась обратно. Несмотря на пережитое, беременность протекала

без каких-либо осложнений, будто малыш уже сейчас понимал, как досталось его маме и не хотел огорчать её еще больше. Но тем не менее, пожилой доктор Аркадий Ильич, выписал пациентке больничный лист:

– Голубушка моя, я понимаю, что вы хорошо себя чувствуете, и весьма этому рад, – говорил он, глядя на Лизу поверх очков и записывая что-то непонятным простому смертному языком в её карту, – Но всё же стоит себя поберечь. Если бы не ваше положение, я бы посоветовал вам отправиться куда-нибудь к морю или на воды. Отдохнуть, подлечить нервы, чтобы по возвращению домой вы на всё смотрели уже иным взглядом. Но, опасаясь за ребёнка, я не могу вам рекомендовать длительную дорогу, поэтому прошу вас, старайтесь находить доброе и светлое даже в нашей осени. Ну, и про витамины тоже не забывайте.

Лиза и не забывала. Она дисциплинированно выполняла все указания доктора, но вот находить светлое... это получалось плохо. К великому огорчению Николая Никифоровича, Лиза решила уволиться из мастерской.

– Лизонька, голубушка! Прошу вас, подумайте, – умоляющим тоном говорил он, – Как же я здесь, ведь не справлюсь. Мы с вами, считай, что на всю область одни такие – к нам все едут, к нам всё везут. И на реставрацию, и новые заказы... Ну, давайте я выхлопочу вам отпуск без содержания, всё объясню руководству, я думаю, что нам пойдут навстречу. А после, как вы будете готовы, вы вернётесь, а?

Но Лиза мягко и корректно отказалась. Ни к чему занимать чужое место, как и сказала она Николаю Никифоровичу. За то время, как она сможет быть готова, думала Лиза, Николай Никифорович сможет найти себе нового помощника. Если она вообще когда-либо будет готова...

Она пробовала брать в руки кисть и краски, пыталась найти в своём таланте и увлечении то самое, доброе и светлое, но руки не слушались её, они начинали предательски дрожать. Слезы прорывались сквозь намертво замороженные чувства и эмоции, и она с трудом загоняла их обратно. Несколько раз она начинала... хотела нарисовать по памяти Мишин портрет, но каждый раз отступалась, понимая, что не может.

– Когда малыш родится и немного подрастёт, я буду поступать в лесотехнический, – объявила она матери, чем несказанно её удивила.

– Зачем это тебе, Лизанька? – удивлённо вопрошала Екатерина Александровна, – У тебя прекрасное образование, у тебя талант, зачем же переучиваться? Недавно меня Алевтина Анатольевна, директор школы, спрашивала, не хочешь ли ты после рождения малыша попробовать преподавать рисование. У них некому преподавать изобразительное искусство, что очень огорчительно, ты не находишь? Ведь в Бобровке есть много талантливых детишек, как я думаю, стоит помочь им раскрыть талант. Ты уже занималась с Ириной, у тебя прекрасно всё получилось, почему бы не попробовать

в школе?

– Я думаю, что Алевтина Анатольевна не оставит бобровских детишек без наставника по рисованию. С её-то характером она уж точно добьётся, что сюда пришлют самого лучшего и талантливого, того, кто хочет и может заниматься с детьми. А я буду поступать в лесотехнический техникум.

Екатерина Александровна не решалась перечить дочери, списывая всё на недавно пережитый ею стресс, и на беременность. Но тайком говорила Варваре, что очень надеется на благоразумие дочери и совсем не понимала, зачем Лизе нужен этот лесотехнический.

Когда в Бобровку пришла зима, всё в старой усадьбе было готово к рождению нового её обитателя. Лиза, казалось, окончательно взяла себя в руки, всё своё время посвящая теперь подготовке приданого для новорожденного, и чтению книг, тематика которых говорила, что своё намерение поступать она не оставила.

Даже Екатерина Александровна смирилась с этим, и решила, что уж лучше пусть дочь читает и пишет какие-то конспекты, чем горюет по прошлому. И поэтому тоже решила, что рождение внука всё изменит, а пока пусть всё идёт своим чередом.

Глава 8.

Федюнька родился в аккурат на Рождество. Морозным январским утром в роддоме райцентра счастливая и усталая Лиза любовалась на новорожденного сына, которого улыбающаяся медсестра принесла кормить.

– Вот, держите, мамочка, своё сокровище, – она подала Лизе причмокивающий свёрток, – Такой хороший парень, почти не плачет. Ну, кормите хорошенько, чтобы крепко спал и набирался сил.

А у Лизы будто язык отнялся, она даже говорить не могла, слёзы так и норовили хлынуть широкими потоками наружу. От радости и умиления, потому что этот носик и махонькие ручки с «перевязочками», как говорила её соседка по палате, и от горечи, что Миша не увидит своего сыночка.

Они с Мишей давно решили, что если родится мальчик, то назовут его Фёдором – в честь Мишиного отца и Елизаветино деда, и вся семья согласилась, что это прекрасный выбор.

На выписку приехали все. Даже лютый мороз не остановил счастливых родственников и друзей, собирая вещи, Лиза видела в окно палаты, как на дорожке под окном приплясывает Наташа, махая Лизе руками, как рядом с нею, постукивая руками по бокам, притопывает Юра, а закутанная в шаль Варвара держит под руку счастливую Екатерину Алек-

сандровну.

В вестибюле роддома Юра дрожащими от волнения руками принял от медсестры свёрток в одеяле с голубой ленточкой, кивая и отвечая на поздравления персонала роддома, от этой сцены у Лизы снова зашло сердце и задрожал подбородок. Как же жаль, что ничего не изменить... Что не Миша стоит теперь в гулком вестибюле, осторожно прижимая к себе Федюньку.

Екатерина Александровна плакала от радости, вытирая глаза платочком, Варвара стояла под руку с Архипом Фомином, румяная и довольная, и одобрительно кивала Лизе. Усаживаясь в машину, которую по такому радостному поводу Екатерина Александровна попросила у Яковлева, и тот договорился с администрацией, Лиза прижимала к себе спящего сына и думала, что теперь всё в её жизни будет по-другому.

Всё и было по-другому. Снова ожила замершая было в горе усадьба, снова зазвучали торопливые шаги по натёртым до блеска полам – это Варвара рано утром спешит поскорее протопить печь и согреть воды для маленького Федюньки. А на дворе недовольно фыркает чёрный как смоль Воронко, которого запряг дед Архип, собираясь в Бобровку за молоком.

Лиза теперь спала, что называется, в полглаза. Да ей почему-то и не хотелось. Мама рассказывала ей, какой беспокойной она сама была в детстве, как не давала им с отцом поспать и они ночью по очереди вставляли качать свою до-

ченьку. А Федюнька был совсем не такой! Больше время он спал, кушал, снова спал, и агукал на руках у Лизы или Екатерины Александровны, или у довольной Варвары, которая знала всевозможные приметы, касающиеся ухода за младенчиками, неукоснительно следуя им.

Так, возле кровати Варвара вешала небольшую вышитую подушечку, наполненную какими-то травами, и говорила при этом Лизе:

– Это Богородская трава, мама моя говорила, что это самый лучший оберег для ребёночка!

Лиза, хоть и не верила в такое, но всё же не хотела огорчать тётушку – от душистой травы уж точно хуже не будет, потому просто согласно кивала и благодарила Варвару.

Когда в Бобровку снова пришла весна, осторожно и нерешительно шагая по склонам холмов, Лиза снова заговорила с домашними о том, что хочет поступить в техникум.

– Если вы не против, я бы хотела уже с осени начать учиться, – сказала она домашним, – Тем более, что у меня есть диплом о высшем образовании, так что заочно мне учиться в техникуме всего два года. Федюнька спокойный и покладистый, я думаю, он не доставит много хлопот.

– Лизанька, мы-то, конечно, справимся, но ведь тебе будет тяжело, – вздохнула Екатерина Александровна, ей так хотелось, чтобы дочь вернулась к рисованию и оставила эти мысли о лесотехническом.

– Ничего, я думаю, что справлюсь. Если вы, конечно, мне

поможете.

– Да почему именно туда? – не выдержала Екатерина Александровна, – Лизанька, ну вот скажи мне, окончишь ты этот свой техникум, для чего? Что собираешься делать после?

– Пойду работать, что еще делать, – ответила Лиза, – Тем более, что рисовать у меня больше... не получается. А Яковлев сказал, что в Бобровке открывают цех новый, вагонку будут делать и еще что-то. Вот отучусь и туда пойду, как раз Федюнька подрастёт. Мне там самое место!

– Почему это? – удивилась Екатерина Александровна.

– А где еще «Медведихе» место, как не возле леса? – рассмееялась Елизавета, и Екатерина Александровна побелела, подумав, что дочь от горя могла повредиться рассудком, и надо бы показать её специалисту.

– Доченька, а ты как себя чувствуешь? – осторожно спросила она, – Мне кажется, ты устала от всего... Может быть Аркадий Ильич прав, и нам стоит подумать о том, чтобы поехать в хороший санаторий, где нервы лечат. Тем более, что Федюнька наш – крепыш, ему дорога вовсе не повредит!

– Мам, я же на заочное пойду. Так что, если хочешь, поедем куда скажешь, от сессии до сессии. Куда там Аркадий Ильич советует, я не против.

Половину той ночи Екатерина Александровна проплакала украдкой в своей спальне, потому что поняла – это не нервное, и не помешательство движет её дочь. Это отчаяние,

и нечто еще более тяжёлое, гнетущее её душу и не дающее больше рисовать так, как она делала это раньше.

Она взглянула на картину, которая давно висела над комодом, на ней Лиза когда-то нарисовала заросший белыми цветами склон берега Койвы... Там, где на середине склона лежит огромный камень, на котором так любила сидеть Лиза, когда была еще девочкой. Сможет ли вернуться прежняя Лиза? Сможет ли она снова рисовать, будет ли в её жизни что-то, что вдохновит и возродит её душу...

Что оставалось матери? Только смириться с решением дочери, и помочь ей пережить это горькое время в её жизни, и молиться о том, чтобы оно не затянулось надолго.

Поступив в техникум, Лиза будто воспряла. Хотя и удивлялась Екатерина Александровна, уверенная сначала, что дочь её быстро поймёт, что это ошибка, и вернётся в мастерскую, где Николай Никифорович ждал её с нетерпением. Но мало того, что Лизе учёба давалась легко, так она еще и нашла её весьма занимательной!

Время шло, Федюнька подрастал заботами всей семьи, а Лиза заканчивала учёбу. В Бобровке, на самой окраине за пи́лорамой тем временем появились новые здания небольшого комбината «тонкой», как говорили бобровские жители, деревообработки.

Туда и пришла Лиза со своим новым дипломом. Новый начальник комбината, Виталий Васильевич Шухрин, которого прислали из области поднимать и налаживать производ-

ство, с некоторым удивлением встретил решительную высокую женщину, заявившую ему, что она готова на любую должность. А увидев документы об образовании, он удивился во второй раз. Но решительность, блесевшая в глазах Елизаветы, и рекомендация Вячеслава Яковлева сделали своё дело, и Лизу приняли на должность техника.

Семён Валентинович Агапов – начальник цеха, куда определили Елизавету, средних лет мужчина с пышными усами, чуть желтоватыми от махорки, повёл её знакомиться с коллективом и производством. Лиза с интересом слушала его, осматривая станки, которые до этого дня она видела уже довольно много раз – на практике в техникуме, но теперь, на настоящем производстве это всё выглядело более...грандиозно что ли.

Но неожиданная встреча неприятно поразила Лизу. Шагая по цеху, она вдруг увидела женщину, в синем халате и платке, повязанном по самые глаза. Женщина сметала стружку в кучу и исподлобья поглядывала на стоявших за станками рабочих, громко переговаривающихся и смеющихся. Сама она зло возила метлой по полу и что-то бурчала себе под нос. Судя по выражению её лица, что-то не особенно доброе сходило с её уст. Это была Зинаида. Увидев Елизавету, Зина остолбенела, вытаращила глаза и на губах её так и застряли слова.

– Зинаида, познакомься, это наш новый техник, Елизавета Владимировна Голобец. Прошу любить и жаловать. А

это Зинаида Анатольевна, наш уборщик помещений, – добродушно пошевелив усами, сказал Агапов.

– Да, мы уже знакомы, – Лиза кивнула Зинаиде и отвернулась, неприятно было смотреть в эти злые, полные ненависти глаза.

Вернувшись в тот день домой, Лиза подумала, может быть всё-таки зря она... Сидела бы себе сейчас в тишине пахнущей красками мастерской и слушала захватывающие рассказы Николая Никифоровича, знатока истории этого края, чуть не до самых доисторических времён. И никакой Зинаиды, ни шума станков, ни немного насмешливых взглядов мужиков за этими станками – дескать, чего это баба, и в такую профессию лезет...

Но нет, дело это решённое – Лиза потрянула головой, отгоняя сомнения! И ни из-за какой-то там Зины, и прочих причин она не отступится. Миша бы не отступился, она точно это знает, вот и она будет работать изучать новую и интересную для неё профессию!

– Лизанька! – от входной двери раздался громкий и радостный крик Екатерины Александровны, вернувшейся из Бобровки, – Лизанька, радость то какая!

Екатерина Александровна ходила в Бобровку за какой-то своей надобностью, и вернувшись, явно принесла какую-то радостную новость. Лиза поспешила ей навстречу, попутно глянув на веранду, где дед Архип учил Федюньку заводить маленьким ключиком машинку.

– Лизанька! Я сейчас возле почты встретила Галину Кузьминичну, Наташину маму! Так она сказала, что Наташенька сегодня родила! Девочку, у обеих всё хорошо! Радость-то какая!

Лиза чуть не подпрыгнула от радости, обняла мать и рассмеялась! А уж как Наташина мать переживала за дочь, это они обе знали. Наташа носила тяжело, несколько раз лежала в больнице, но всё обошлось, и вот теперь благополучно завершилось!

Родилась Шурочка! Лиза знала, что Наташи и Юра хотели назвать дочку Александрой, а если родится сын – то Александром. Вот теперь Лиза будут собираться встречать Наташу с доченькой на выписке из роддома! Лиза улыбалась – радостные события в жизни случаются всё же чаще, чем огорчения!

Глава 9.

– И что, как ты с ней вообще общаешься? – спрашивала Наташа шёпотом, уложив заснувшую Шурочку в кроватку, – Мама сказала, эта Зинка еще злее стала. У неё проблемы же начались со здоровьем. Без платка не ходит теперь, в город лечиться ездит. У неё волосы почти все выпали, и какая-то экзема по голове пошла. Она там на доктора нашего орала, что тот лечить не умеет.

Наташина мама, Галина Кузьминична, работала в местной амбулатории медицинской сестрой и хоть и не отличалась говорливостью, но всё же такую скандальную пациентку, как Зинаида, сложно не осудить за мерзкое поведение в медицинском учреждении, где ей силились хоть чем-то помочь.

– Я считаю, это ей за то, что она на хутор к бабке той ходила, – продолжала Наташа, расставляя на столе перед подружкой чашки, чайник и вазочку варенья, – Всё ей возвращается теперь, стократно! А Макаровна, соседка наша, сказала, что Зинка в городе себе парик заказала, носить под платок, хоть какая-то видимость волос.

– Жалко, конечно, молодая совсем, а уже такие проблемы со здоровьем, – тихо покачала головой зашедшая к подруге в гости Лиза, – Ей обследоваться нужно хорошенько.

– Злость это у неё наружу прёт, – ответила Наташа, – Никому не полезно такое настроение – постоянно всех ненави-

деть! От неё же слова доброго наверное вообще никто никогда не слышал! Ещё бы у неё ничего там не болело! Ты с ней осторожнее, лучше не связывайся.

– Да мы с ней не встречаемся почти, у каждой своя работа. Ходить по цехам мне некогда, отработала и пошла. Редко её вижу, а когда попадается мне, так сама спешит мимо пройти. Не стать нам подругами, – тихонько рассмеялась Лиза.

Разговор перешёл в более насущное для обеих русло – о детях, о малышей болезнях и трудностях, и прочих вопросах, так волнующих всех мам, у кого есть маленькие детки. Да и не только маленькие, мама – это работа круглосуточная и на всю жизнь, как сказала недавно Лизе Варвара.

Время даже не шло, а летело, как казалось теперь Лизе. Работа её не только увлекла – она ей безумно нравилась, тем более что небольшой комбинат рос, открылось еще два цеха.

Однажды по случаю празднования Годовщины Октябрьской революции в клубе было общее собрание, где вручали грамоты и подарки отличившимся работникам. Елизавета удостоилась награждения за несколько внесённых ею рационализаторских предложений, существенно улучшивших производство – вот где ей очень пригодились первое, художественное, образование.

– Лиза, поздравляю, вы молодец, – неожиданно для Лизы раздался голос позади, это был Виталий Шухрин, директор комбината.

– Да, спасибо, – растерянно ответила Лиза и поспешила

поскорее уйти, затеряться в толпе односельчан, ей было не по себе от внимания начальства.

Про директора комбината в Бобровке ходили разные слухи. Говорили, что он женат, но с женой давно не живет вместе, а кто-то отрицал это и уверял, что Шухрин в разводе. И что жена его, «столичная штучка», отказалась ехать с ним в этакую глухомань, когда его направили в Бобровку, и отправилась с детьми к своим родителям в Москву. В общем, слухов ходило чуть ли не столько, сколько было дворов в самой Бобровке.

Сам же Шухрин жил в выделенном сельсоветом небольшом домике на окраине, чуть не у самого комбината, особенной дружбы ни с кем не водил, только с местным егерем Гавриловым подружился крепко и теперь они частенько выбирались вместе на дальнюю заимку то охотиться, а то рыбачить.

Местный егерь, Пётр Гаврилов, коренастый крепкий мужик, был женат и имел пятерых детей. Хозяйство у него было справное, жена его Люба работала в лесничестве бухгалтером, и на все вопросы о дружбе мужа с Шухриным и на расспросы о нём лишь пожимала плечами.

И теперь не одна пара глаз вперилась в сжимавшую в руках свою грамоту Елизавету, это ж виданное ли дело, не к кому иному, а к «Медведихе» сам директор подошёл с поздравлениями! Слыша за спиной перешёптывания и принимая их на свой счёт, Лиза собралась поскорее уйти из клуба,

хотя сначала хотела остаться на концерт.

Она поспешно взяла в гардеробе своё пальто, сунула за пазуху свернутую грамоту и вышла на крыльцо. Осенний свежий воздух чуть остудил её горящие щёки и немного успокоил. Небо затянуло тучами и уже накрапывал тоненький осенний дождик, грозящий перейти в затяжной, судя по низким тёмным облакам, наползающим с холмов. Спрятав косу под платок, Лиза собралась было поскорее дойти до дому, пока дождь не зарядил сильнее, как вдруг услышала, как над нею раскрылся чей-то зонтик. Она вздрогнула от неожиданности и обернулась.

– Простите, я не хотел вас напугать, – смущённо сказал Шухрин, – Я смотрю, вы тоже не остались на концерт... Не любите самодеятельность?

– Люблю. Просто сегодня мне некогда. Да вон, тучи какие идут, не хочу потом добираться до дома под дождём. А вы? Почему не остались на концерт?

– Можно я немного вас провожу? У меня есть зонт, – шутливо похвастал Шухрин, – А на концерт... Я, честно сказать, засыпаю на концертах. Представьте, какой будет конфуз, если я храплю посреди зала!

Лиза невольно рассмеялась, хоть и не поверила в озвученную Шухриным причину. Наверное то, что произошло с ней в жизни, сделало её проницательнее, и сейчас она видела в глазах собеседника что-то... какие-то огоньки потаённой грусти, запрятанные глубоко, подальше от всех. И что-

то еще было в них, в этих глазах, что напомнило ей Мишу... такие же пляшущие искорки-смешинки, добрые и озорные.

– А вы, как я слышал, художник. Это правда? – спросил Виталий, когда они шли по дороге к холму, на котором стояла усадьба.

– Да, правда. Хотя, наверное, это уже дело прошлое, – Лиза посмотрела на небо, оно как будто смиростивилось над путниками, дождик прекратился, тучи немного разошлись, и сквозь них даже проглядывали лучики солнца.

– Ну, я не верю, чтобы талант вот так взял, да и пропал. Посмотрите, какая здесь красота! Эх, если бы я умел, обязательно нарисовал бы! – Шухрин провёл рукой, указывая на открывающийся с холма вид.

Осенняя Койва в обрамлении бора, кое где расцвеченного золотом и багрянцем листвы, сейчас серебрилась в лучах неласкового уже солнца. Лиза нахмурилась. Она больше не любила реку. Не любила и боялась даже думать о ней, о большой и опасной воде, умеющей в один миг оборвать чью-то жизнь.

– Простите, если я вас обидел, – спохватился Шухрин, – Конечно, каждый имеет право выбрать, художник он или, например слесарь. Это я от зависти так сказал – я рисовать умею хуже некоторых третьеклассников, потому и всегда удивлялся, как это так может получаться у людей...

– Ничего, не стоит извиняться. Я просто о своём подумала, ответила Лиза, – Ну, дальше вам идти нет смысла – дождь

закончился, спасибо вам, что поделились со мной своим зонтом.

– Да? И в самом деле, закончился, – удивлённо ответил Шухрин и в его голосе слышалось скрытое разочарование, – Ну, спасибо вам за прогулку. Места здесь красивые! До свидания!

Сложив ненужный более зонт, Шухрин смущённо глянул на плывущие мимо облака и отправился обратно вниз по холму. Вздохнув, Лиза смотрела ему вслед. Хороший человек, думалось ей, и очень жаль, что в прошлом ему тоже пришлось пережить что-то такое, что теперь таилось внутри его взгляда.

Слухи про неё и Шухрина по Бобровке поползли быстро. Не то, чтобы Лизу это расстраивало, за много лет она уже привыкла, что здесь постоянно что-то говорят. И даже если ничего не происходит на самом деле, то всё равно что-то придумают и говорят. Но ей было немного неловко перед Шухриным, человек вообще просто проявил вежливость и немного проводил её, а болтают такое, что уже чуть ли не жениться собрался.

Лиза надеялась на его благоразумие и на то, что и он понимает, что в небольших селениях так и бывает, и принимать серьёзно досужие сплетни вовсе ни к чему. Однако, самому же Шухрину, по всей видимости было абсолютно безразлично всё, что говорят и придумывают в Бобровке, потому что вскоре он сам явился в цех, где работала Лиза и добродушно

пошутив с Семёном Агаповым, вошёл в кабинет, который Лиза делила со сметчицей Леной.

– Здравствуйте, коллеги! – весело произнёс Шухрин, – А у вас тут уютно, цветы разводите.

– Это у нас Елена увлекается. – отозвалась Лиза, – Её заслуга, что у нас здесь такая красота растёт.

– А я к вам, Елизавета Владимировна. У меня есть несколько идей, как использовать ваше художественное образование и опыт, я уже в область начальству звонил. Все заинтересовались, поэтому хотел бы с вами посоветоваться. Приглашаю вас на совещание, послезавтра приедет инженер, будем обсуждать новую линию.

Разговаривая, Лиза вышла вместе с Шухриным в цех, и просто наткнулась на острый, словно нож, взгляд Зинаиды. Лиза поразилась виду женщины, из-под низко повязанного платка так и пылали злобой глаза, лицо было белым, как мел.

– Отойди, говорю, что встала! – услышала Лиза крик мастера цеха, все почему-то забежали и закричали на Зину, загудел станок, который экстренно пытались остановить.

Лиза услышала крик и среди всеобщей кутерьмы увидела, как сложилось пополам тело Зины, откуда-то брызнула кровь, все закричали еще громче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.